К Р И Т И К А

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЁННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

Глубина резкости

Платон БЕСЕДИН

О творчестве поэта Владимира Спектора в контексте противостояния культуры и варварства

Сложившаяся ситуация в литературе (да и в обществе) сегодня напоминает старорусский обычай – стенка на стенку. Одна братия идёт на другую либо ради забавы, либо ради расправы. Разделение чёткое, не ошибёшься. С одной стороны технически подкованные, но безграмотные варвары с айпадами, твиттером и знамёнами Цукерберга/Дурова, с другой образованные – как правило, в советское время – "римляне" с томиками Довлатова, Бродского, Цветаевой (они же на знамёнах) и солидным арсеналом знаний, которые вдруг стали бесполезными.

Пожалуй, никогда ещё противостояние между культурой и варварством, "массовкой и духовкой", не было столь явным. Оно достигло пиковой точки, и пропасть, разверзшаяся между невольно противоборствующими сторонами, поглощает их самих. Первые гибнут от глупости, которая, как писал Бонхеффер, "ещё более опасный враг добра, чем злоба", потому что "глупец, в отличие от злодея, абсолютно доволен собой". Другие страдают от неустроенности в жизни, потому что "во многой мудрости много печали"; не в силах найти себя в новом классе необразованных и невежественных людей, фаулзовских Калибанов, они превращаются в отмирающий атавизм.

Это тоталитарное общество нового образца, в котором "порабощённое население радостно приемлет своё рабство", это система, при которой отпадает сама потребность в человеке. И если совсем недавно всё было нельзя, то теперь всё стало можно. Однако и режим запрета, и режим вседозволенности, как крайности одного и того же, лишены морально-этических, духовных первооснов, тем самым, превращены в иерархию физиологических потребностей. Эта свобода вседозволенности на поверку оказывается разрушительным хаосом, уничтожающим любые проявления индивидуальности. В данном контексте творчество поэта из Луганска Владимира Спектора ценно, прежде всего, тем, что не утратило созидающей функции. Его поэзия генерирует в человеке душевный порыв, стремление для дальнейшего перерождения, когда божественное стяжает животное, а быт переходит в бытие.

Владимир Спектор издал свой первый поэтический сборник в 39 лет (сейчас у него более 20 книг стихов). До этого работал конструктором, стал автором более двух десятков изобретений. Конечно, начал писать стихи он значительно раньше, но вот вещественное доказательство своей творческой состоятельности предъявить не торопился. Возможно, поэтому его поэзия в хорошем смысле взрослая, обстоятельная. В ней есть своя особая жизненная философия; выстраданная, осознанная, взвешенная. Есть и мудрость восприятия мира, которая позволяет говорить о самых глубоких, порой деликатных вещах точно, ёмко, без перегруженности лишними словами и пафосом. Возможно, его стихи не отличаются особой изощрённостью, витиеватой изобретательностью, но в них ощущается преемственность поколений как важное условие дальнейшего развития; слышатся интонации Арсения Тарковского и Юрия Левитанского, Давида Самойлова и Александра Межирова.

Три "кита" – жизненная философия, мудрость, преемственность – формируют программность поэзии Владимира Спектора, которая является той самой первоосновой, когда через алхимию слова и поэт, и – главное – читатель проходят этапы обретения новой (а порой единственной) индивидуальности.

Не хочется спешить, куда-то торопиться,
А просто – жить и жить, и чтоб родные лица
Не ведали тоски, завистливой печали,
Чтоб не в конце строки рука была – в начале…

Про таких, как Владимир Спектор, часто говорят: "Поэзия – его судьба". Наверное, тот факт, что в поэзию, несмотря на все препятствия, объективные и субъективные, он пришёл достаточно поздно, только подтверждает вышесказанное. Пришёл, чтобы остаться. Такой поэт как бы попадает в петлю бытия, сжимающуюся до предела. Это кризис прежнего существования и дальнейшее непрерывное перерождение, строка за строкой, когда больше нет возможности (да и смысла тоже) воспринимать мир набором оперативных команд, необходимых для поддержания физиологической активности.

Начат поиск, запущена иная программа, диктующая новый, подчас непонятный окружающим modus operandi. Отчасти это путь борьбы, путь страданий и лишений, но и в то же время путь подлинной радости.

Не изабелла, не мускат,
Чья гроздь –
селекции отрада.
А просто – дикий виноград,
Изгой ухоженного сада.

Растёт, не ведая стыда,
И наливаясь терпким соком,
Ветвями тянется туда,
Где небо чисто и высоко.

Владимир Спектор не прячет смысл за искусственно сотканными кружевами слов и рифм, не пытается создать иллюзию некого тайного знания. Наоборот, он старается говорить с читателем максимально доверительно, откровенно. Друг с другом они раз за разом проходят инициацию поэтическим вдохновением. Это передача природной творческой энергии ("крия шакти") на клеточном уровне, трансформация душевно мёртвого в живое. Такая открытость, доступность (в хорошем смысле слова) диссонирует с современной тенденцией поэтического нарциссизма, при котором поэты всё чаще пишут для себя и о себе же, упражняясь в словесных изысках ради самого упражнения. Превращение поэзии в вещь в себе и для себя – когда "поэты звонят лишь друг другу, обсуждая, насколько прекрасен их круг" – во многом создаёт недоверие и настороженность читателей, ассоциирующих стихотворца с юродивым или снобом.

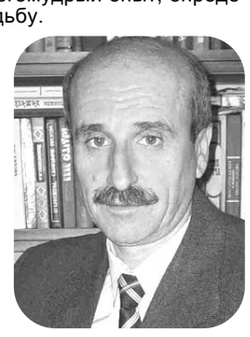
Выжить…
Отдать,
Получить,
Накормить.
Сделать…
Успеть,
Дотерпеть,
Не сорваться.
Жизни вибрирует тонкая нить,
Бьётся, как жилка на горле паяца.
Выжить,
Найти,
Не забыть,
Не предать…
Не заклинанье, не просьба, не мантра.
Завтра всё снова начнётся опять.
Это – всего лишь заданье на завтра.

Одна из доминантных тем его творчества – осознание и переосмысление нашего общего прошлого, прежде всего, детства. Все мы родом оттуда. Возвращение в детство – это стремление к первоначалию счастья. Читая стихи Владимира Спектора, детство, своё и коллективное, слышишь, видишь, ощущаешь. Испытываешь непосредственную радость, будто листаешь детский фотоальбом, в котором запечатлены лучшие моменты жизни. Это лирическое, порой философское осмысление меняющегося мира, ситуаций, людей, попытка нащупать себя в веренице образов, масок, ролей.

Поэтому стихам Владимира Спектора присущи, казалось бы, такие простые, но в то же время столь редкие атрибуты как искренность и доброта.

Медальный отблеск крышек от кефира
Остался за границею веков.
Остались там же – очередь за сыром
И пионерский лозунг "Будь готов!".
Другая жизнь, хорошая, плохая,
В которой по соседству – зло с добром.
А для кого-то отраженье рая
В той крышке с её мнимым серебром.

Несмотря на кажущуюся простоту, эта поэзия обладает куда более важным свойством: она наделена цельностью интонации, которая появляется тогда, когда пережитые страдания и страсти, помноженные на талант, перерастают в многомудрый опыт, определяющий всю дальнейшую судьбу.



Строчки лёгкие, воздушные, но в то же время плотные, упругие; всё на своих местах. Эта интонация как музыка: она то сентиментальная, то жизнеутверждающая, то тоскливая, то радостная.

И ею зачаровываешься, спасаешься, согреваешься, забывая о вечной мерзлоте человеческого мира, которому так не хватает душевного тепла.

Это город.
И в нём не хватает тепла.
И не осень прохладу с собой принесла.
Не хватает тепла в руках и душе,
В ручке мало тепла и в карандаше.

Не хватает тепла во встречных глазах.
В них смятенье и холод. А, может быть, страх.
В этом городе нищим не подают.
Им по праздникам дарят весёлый салют.

В тёмном небе так много слепящих огней,
Но не греют они суету площадей.
Не хватает тепла, хоть работает ТЭЦ
В этом городе тёплых разбитых сердец.

На первый взгляд, стихам Владимира Спектора не хватает изящества и оригинальности формы, зато определённо хватает интерконтекстуальности и глубины текста. Он обладает поистине фотографической точностью взгляда. Это аналитика лирикой, фотография души с особой глубиной резкости. Поэт умеет, вооружившись мудростью, дать точные, яркие образы и зарисовки, создавая во многом кинематографическое многоголосье. Он беседует с читателями, не стараясь перекричать самопровозглашённых гениев и пророков. Владимир Спектор идёт своим путём, создавая громкость иного рода – цельную интонацию искренности, которая, когда стихает шум толпы, неизбежно доходит до читателя.

Так говорит душа: шёпотом, без спешки, тихо, размеренно, о главном.

Когда душа ликует

О книге стихов Геннадия Иванова “Ликуй, душа!”

Много ли у каждого человека в жизни найдётся мгновений, когда душа ликует? Нет, немного. Но зато мгновения эти и есть стержень судьбы, её неотъемлемые составляющие. Вот об этом новая книга стихов известного московского поэта Геннадия Иванова.

Поэт принадлежит к поколению послевоенному, и потому, быть может, так отозвались и в моей душе его искренние строки о тех незабвенных годах нашего детства. Воспоминания во мне вспыхнули так ярко, что, кажется, спроси у меня автор, где у него во дворе стояла бочка с дождевой водой или в каком саморубном шкафу висела шинель отца, – мигом вспомню. И не я один, а многие и многие его читатели.

Незначительные приметы быта тех лет силой поэтического таланта поставлены в эмоциональный строй восприятия, и если они составили гармонию с необузданными стихийными вспышками нашей памяти, то в этом и заключается возможность преодоления скорби скорбью. "Смертью смерть поправ" – это для нас всех сказано, на веки вечные. И тогда настигает радость:

Ликуй, душа!
Ты видела так много
Прекрасных дней.
Ликуй, душа!
Ты чувствовала Бога
В судьбе своей.

Вадим Кожинов ценил в поэтах прежде всего самородность, связь с родимой землёй. Самородность, которая проявляется не только в языке и слове, но в самой судьбе, творческом пути поэта. Тверская земля, родина Геннадия Иванова питает его образами и метафорами, такими свежими и сильными, что неотделимы они от смысла стиха, они родственны смыслу, и потому ненавязчивы и естественны. Ведь сила поэзии – в простоте неуязвимой, где "ангелов со ста".

Православные мотивы в поэзии Геннадия Иванова действительно "добыты" истинным духовным напряжением, поэтическим "стоянием" в духе. К сожалению, во многих сборниках так называемой "православной поэзии" отсутствует предмет воспевания как таковой. Формальный, заезженный подход "извне" (там, где надо "изнутри") порождает скуку и даже неверие в силу поэзии. Книга Геннадия Иванова противостоит сотням таких попыток.

Но ошибается тот, кто думает, что простота в поэзии – это гремящая цепь с ведром, опущенная в старый колодец. Нет, это сама чистая вода в колодце или даже – звёзды в ночной воде.

Эти звёзды – как наши печали...
Нет им счёта и нету конца.
Все надежды мои отзвучали,
Лишь осталась одна – на Отца.

И далее:

Но средь звёзд
есть такая звезда!..
И зовётся она
Вифлеемской…
Высока, далека-высока.
Светит, светит
надеждой вселенской.
И ничтожна
любая тоска.

Смиренное несение своего креста и "вынашивание души" возможно лишь при условии наличия гражданского мужества и предельной честности. И тогда в награду ему даётся высокая евангельская мудрость, возле которой, как *"у далёкого костра на том берегу"*, научился греться поэт.

С какой болью он пишет о судьбе солдата, умирающего на поле битвы. Словно от того, выживет боец или нет, зависит и жизнь самого поэта, и жизнь тысяч мальчишек послевоенного поколения. Но ведь это так и есть!

И ты вдруг понимаешь, что действительно, такие стихи пишутся "неоскорбляемой частью души".

Читателю, не зашоренному всяческой постмодернистской чепухой, враждебной русскому духу, близки и понятны строки, где поэт и лирический герой сливаются в непобедимую сущность: *"Спасут Россию тихие молитвы, и громкие орудия спасут"*. И потому враги всех мастей стремятся помешать звучанию не только "громких орудий", но "тихих молитв", и даже более их раздражают последние.

Много дорог исхожено Геннадием Ивановым, много он видел городов и весей, и эти впечатления тоже легли в основу его стихов. И везде с ним его читатель, поэт не щадит его сил, не спрашивает, где тому удобнее остановиться на ночлег.

Он ведёт своего читателя по бездорожью и арктическим льдам, по непроходимым болотам и тайге.

Я хожу и надеюсь,
плыву и надеюсь и жду –
Я без этой строки
в буреломе тоски пропаду.

Оттого, что поэтическое слово живёт сегодня такой светлой и полноценной жизнью, становится как-то спокойнее на душе.

Да, мы живы. Непреходяща соборность наша и слава. И потому мне хочется воскликнуть вместе с автором – ликуй, душа!

Сергей КОРОТКОВ

Вернейшая из констант

Нина ЯГОДИНЦЕВА

О книге стихов Александра Кердана "Подробности жизни"

В искусстве, в жизни, в природе нет и не должно быть лишнего: как бы ни казалась нам безгранично щедрой творящая сила духа – она не создаёт и не хранит ничего напрасного или пустого. Всё исполнено смысла и направлено на сбережение драгоценной хрупкой ткани бытия. Порой мы обманываемся как дети, принимая видимое – и слишком очевидное – за главное, основное, и пренебрегая тонким, невесомым, а потом оказывается: это почти невидимое нечто и было прозрачными нитями, на которых держалось над безднами бесчеловечного мрака наша жизнь.

Сказанное в полной мере относится к поэзии – странному, казалось бы, ремеслу, безобидному увлечению, необъяснимо приводящему в созвучие наши откровения и метания, нашу будничную тоску и детскую жажду вечности. Поэзия была и остаётся нитью, связывающей нас со всем единством мира, с его таинственными, исполненными света и музыки высокими этажами, куда нам, как малым детям в праздничную залу, обычно удаётся заглянуть только украдкой, через случайно приоткрывшуюся дверь... Зато мрачные бездны, где нет человеческого, где всё живое гаснет, застывает и каменеет, отверзаются каждый раз, когда мы опираемся на материальное, на первый взгляд незыблемое, но слишком быстро рассекаемое трещинами, из которых дышит холодное чёрное пламя небытия.

Поэзия живёт с нами и в нас – и с нею происходит то же самое, что и с нами. Вернее, наше чувствование и понимание поэзии изменчиво: оно может быть ложным или истинным, формальным или сущностным, устремлённым к духовному или тонущим в обыденности. Если говорить о поэзии сегодняшней – она в том же кризисе, что и весь мир, на том же роковом перепутье, где человеку обозначены минимум два ясных пути – вверх или вниз, во тьму или к свету, и множество путей кривых, в конечном итоге после долгих блужданий возвращающих к тому же выбору.

Но в чём роковое перепутье поэзии? Здесь, пожалуй, даже и не развилка, а крест. Потому что одна линия, вертикальная, – вниз, ведёт к самости (я), а вверх – к общности (мы). Вторая линия – горизонтальная – весь размах от рассыпания человеческого мира в прах до собирания и рифмования его с непостижимым целым Универсума. В центре креста – Человек и его Слово. И борьба за него (за них) идёт повсюду.

Чтобы понимать смысл современной полемики вокруг поэзии, нужно всмотреться в это роковое перепутье внимательно. Вот ось, где общности противопоставлена самость – как отражает это современная поэзия? В самом что ни на есть сущностном вопросе: самовыражение ли она (т.е. вытряхивание ли души своей вплоть до самых тёмных и чудовищных углов и подвалов сознания и подсознания) – или самосотворение, выстраивание себя по законам гармонии, ограничение тьмы и её высветление, утверждение света? Поставленное во главу творчества самовыражение гибельно и для творчества, и для человека. Ведь человек и его сознание – не столько результат, сколько процесс развития духа, долгий и опасный путь, вовсе не обязательно с запрограммированным счастливым финалом. И человек несёт за себя ответственность сам. Собиранию противопоставлено рассыпание – и это тоже сущностный вопрос: созидатель человек или разрушитель, в космическом масштабе – носитель импульса энтропийного или эктропийного? От свободного выбора личностью своей роли зависит и наша общая космическая участь. И есть ли более очевидный способ, чем поэзия, обнаружить гармонию или разлад личности, вектор её устремления, степень со-гласия с миром вокруг? Едва ли…

Главная космическая битва за человека сегодня происходит в мире поэтического – связующего, проективного, возводящего человеческий дух к максимально возможной высоте. Утрата и рассеяние поэтического будет означать окончательное отпадение нашего мира от Міра всеобщего, выпадение его в хаос и тьму, где места человеку нет.

…Так что же поэзия сегодня? Самосотворение настойчиво подменяется самовыражением – и стихи перестают быть нужными для жизни, зато становятся интересными для современной филологии, всё более падкой на новизну форм и всё менее стремящейся в глубину смыслов. Поэты перемещаются в тусовку, поэзия – в филологическую резервацию, вертикальное пространство слова занимают нисходящие в дурную бесконечность тексты-"верлибры"…

Трудностям и самоограничениям строительства предпочитается безудержное веселье рассыпания, разрушения. И каждый, кто берётся сегодня за перо, ясно зная либо вообще даже не подозревая о битвах за Слово и Человека, вольно или невольно принимает одну из сторон. Выскажу пока ещё крамольное, но уже совершенно очевидное мнение: даже самая робкая, начальная поэтическая попытка в противопоставление разрушению собрать мир в гармоническое целое дороже сегодня стоит, чем филологически изощрённое и оснащённое головокружительными метафорами самовыраженчество. И пусть нам говорят раз за разом, что история литературы повторяется, что за разрушением обязательно последует созидание – очевидно же, что созидание последует, только если останутся – и останутся верны себе! – строители, сохраняющие свой опыт, мастерство и цельный образ-проект настоящего и будущего.

Смысл поэтического глобален, и не стоит искать его исключительно в изысканных изданиях стихов или в филологических экзерсисах – поэтическое пронизывает всё бытие, начиная с наивного лепета пестушек и завершая тем, что называют "поэтической заумью" (а по сути это "вылазки в непознанное", попытки запечатлеть его на уровне звука, в суггестии расплывчатых образов). Поэтическое есть – и его должно хранить – на всех "этажах" нашего сознания, ибо оно восходит вертикально и за собой возводит человеческое Миро-здание.

Поэзия убаюкивает, пестует, затверживает, одушевляет и воодушевляет – она проектирует человека во весь его будущий космический рост.

Открывая избранные стихотворения Александра Кердана, мы, по сути, открываем книгу его жизни, где поэтическое в полной мере выполняет свою охранительную задачу. Русский офицер, русский поэт, лидер литературного движения Урала, Поволжья и Сибири, объединивший разрозненные писательские организации в самый сложный и опасный для современной словесности период, Александр Кердан верен себе и в большом, и в малом. Верен себе – это значит, верен слову, верен служению. В шаткие времена, когда жизнь человеческую срывает со всех якорей, когда кто-то ищет опору для души, а кто-то строит жалкую броню бытового благополучия, поэт выбирает в спутники слово – и идёт с ним через всю жизнь, обретая память и опыт – и ни в чём не изменяя главному служению в его честной, искренней простоте и чистоте.

Это начинается с зорких молодых наблюдений – стихов раздела "Звонкий снег":

Старики в больничном коридоре.
Дед и бабка… Кто ведёт кого?
Он ли для неё теперь опора
Иль она – опора для него?
Пригляделся. Мне понятно стало,
Что вопросы неуместны тут:
Жизнь так крепко двух людей спаяла,
Расцепи – и оба упадут.

(1986)

В этой части книги много подобных простых и мудрых в своей простоте замет для будущей жизни и будущего служения литературе. И вдумчивому читателю уже ясно, что не поиск формы для содержания, а собирание и выстраивание самого смысла ставит своей задачей автор, уходя тем самым от привлекательно-завораживающей поэтической сложности к ясному смыслу главного. В "Звонком снеге" есть пронзительно-чистое, хотя, на первый взгляд, вроде бы и просто повествовательное, стихотворение "Валенки", посвящённое маме – стихотворение, которое автор часто и сейчас читает на литературных встречах, пронеся его из юности в зрелость так же верно, как и саму тему чистого мужского благоговения перед матерью, женщиной, поэзией, Родиной, верой. Эта вертикаль, обычно так трудно выстраиваемая в юности, ведёт и держит потом всю жизнь, она взывает к чувству долга, оберегая душу от соблазнов на долгом пути. И потом, как будто начиная яснеть в темноте, возникает, проступает из ясного, простого, повествовательного смутная, едва выразимая, предощущаемая глубина:

Кто одиночеством храним
И впрок потерями испытан
В любви, не отягчённой бытом,
Но порождённой всё же им, –
Тот знает: праздники нечасты,
Как всплески звёздного весла,
Которым ночь гребла и к счастью
Или к несчастью нас несла,
Презрев и знанье, и незнанье
Всех прошлых и иных веков…
И было тишины звучанье,
Как предвкушение стихов.
И этот миг соединим
Казался в лунности разлитой
С любовью, порождённой бытом,
Но не отягощённой им.

(1994)

Подтверждением всего вышесказанного могут послужить слова пермского поэта Николая Домовитова, его отзыв на одну из первых книг Кердана: "Одним из безусловных достоинств стихотворений Александра Кердана является то, что за ними стоит живая человеческая судьба, что нет в них того эгоцентризма, которым грешат произведения многих его сверстников. Радует и то, что поэт остаётся верным традициям русской поэтической школы. Новомодные, быстро меняющиеся течения не коснулись его, не ринулся он в формотворчество и рифмованное трюкачество. Большую роль в этом, наверно, сыграла служба в армии, прививающая человеку чувство коллективизма, и чувство ответственности за дело, которому хочешь посвятить свою жизнь".

Коллективизм в поэзии? Казалось бы, странное явление, так ведь? Поэзия глубинно личностна, и хором стихи не пишутся. И тут можно измыслить всякое, но снова, как в любом выборе между лукавством и простотой, сила оказывается именно за последней: коллективизм в поэзии – это ответственность за слово, за дело, за людей, которые рядом. Опять "судьбинский" (как любит говорить сам автор) выбор, спасительный во времена, когда всё вокруг рассыпается, атомизируется.

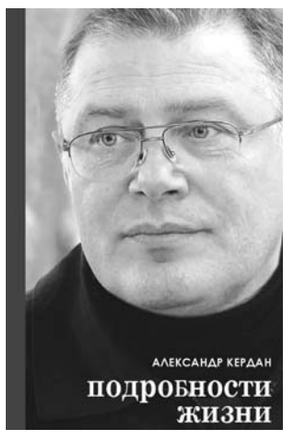
Есть поэты, глубоко уходящие во внутренний космос души – Кердан принимает в свой космос окружающие вещи, людей и события, осмысливая и связывая их, выверяя, как по отвесу, по главной смысловой оси. Это не то чтобы непривычно новой филологии – просто малоинтересно сегодня, но ведь поэт служит не филологии, а поэзии:

Судьбы моей военный эшелон,
Неотвратимо мчащийся куда-то.

...Пусть всё быстрей дорога под уклон
И многое уже невыполнимо,
Когда Отчизна проплывает мимо, –
И ей ты служишь, ею же гонимый,
Судьбы моей военный эшелон.

(1990)

"Что бы там ни говорили, а российская поэзия жива и имеет большое будущее. В этом я убеждаюсь каждый раз, как открываю новый сборник стихов моего друга Александра Кердана. Знаю его с тех пор, когда он был ещё старшим лейтенантом, а сейчас на его плечах большие звёзды полковника. Я видел, как мужал он сам, как росло его поэтическое мастерство, как развивался его замечательный талант... Сколько же в стихах Александра ярких образов, доброты и печали… Истинный поэт, без сомнения!" – эти слова учителя, фронтовика, екатеринбургского поэта Венедикта Станцева, наверное, особенно дороги Кердану, ибо в них не только поэтическое учительство и признание, но ведь они в высоком смысле и сослуживцы...



И вот уже в подробностях жизни словно сама по себе начинает проступать незримая прежде глубина и сложность, в монологах и диалогах прорисовываются иные этажи пространства, куда человеку, не выстроившему свой мир, и заглядывать-то опасно:

Я выбрал окно,
где простор не стесняем домами,
Где тополь июню зелёными машет руками.
Где кажется жизнь бесконечна,
как синь в поднебесье,
Где прошлое с будущим
сразу пришли в равновесье.
А вот и судьба моя –
ищет меж ними ответа...
Я выбрал окно, и оно распахнуло мне лето,
А дальше – опять листопад
и метельная замять...
Но смотрит судьба на меня
молодыми глазами.
И верится в то,
что мы с нею совсем не стареем,
Покуда на мир поглядеть,
как впервые, умеем.
Покуда плывут облаков бригантины над нами
И сами пока мы с небес не глядим облаками.

Вечное в поэзии Кердана появляется в неразрывном соединении с вещным, но чаще всего всё-таки не как называние, а как упоминание, отсыл, наивысшая координата, которую и нельзя упускать из виду, и невозможно определить чаемой словесной точностью:

...Осенним полднем радостно дышу,
А за окном уже январский вечер.

Высоких звёзд искристый хоровод,
Снег – на висках, и не успеть проститься...
И не дано узнать мне наперёд
Всё то, что утром, может быть, случится.

И тут спасает Вечность... Жизнь и смерть,
Любовь и нелюбовь – то свет, то тени...

Эмоциональная палитра книги полна самыми разными красками – и каждая уместна, каждая нужна. Цельность поэта и его личной Вселенной определяется этой полнотой. Оттеняя темы высокого и вечного, в книге проскальзывают светлые искры смеха, порой – самоиронии, они – от полноты жизни, от радости ощущения её сил. Но от года к году, от раздела к разделу кристаллизуется жизненная философия, и – как ни странно – всё выше поднимается поэт к романтическому, хотя, казалось бы, опыт, бремя лет (а поэтами оно ощущается особенно остро)…

Ощущение счастья похоже на мёд,
до того, как собой он становится в улье…
И несут его пчёлы, нацелясь, как пули,
золотисто пронизывая небосвод.
Он ещё – предвкушенье себя самого.
Невесомость.
Порыв, что сродни вдохновенью.
Нет ни крыши, ни стен –
только солнца свеченье
да цветенья дурманящее торжество.
Чтобы после забыть, что родился цветком,
был пыльцою, нектаром – за миг до полёта,
летним днём,
замурованным наглухо в сотах,
для того лишь,
чтоб сладость почувствовал кто-то…

Обратимся ещё к одному отзыву – к словам московского поэта Валентина Сорокина: "Волевая энергия слова. Чеканная тональность строки. И абсолютная твёрдость духа, окрыляющая сердце говорящего русского витязя! Вот – моя искренняя характеристика, стихов Александра Кердана. Хозяйскую сноровку и неугомонную человечность в его стихах я сравниваю с хозяйской сноровкой и неугомонной человечностью в стихах Бориса Ручьёва: очень похожи, очень родственны! Талант – суровость. Талант – доброта. Талант – любовь и надежда". В отклике Валентина Сорокина появилось имя поэта, обозначающее ту самую традицию, о которой шла речь в начале – именно к ней можно отнести творчество Александра Кердана, – традицию собирания мира вокруг себя в противовес традиции глубокого погружения во внутренний Космос. Что характерно для поэтов-собирателей? Они не пренебрегают бытом, но стремятся превратить его в бытие – обратите внимание хотя бы на название этой книги Александра Кердана: "Подробности жизни". Не боятся повествования, сюжетных стихов. Спокойно относятся к устойчивым эпитетам и выражениям, употребляя их в качестве обозначения традиционных смыслов. Любят сравнения и кольцевые композиции, рефрены и другие приёмы, надёжно скрепляющие художественную ткань. Им по душе силлабо-тоника, именно потому, что она несёт в себе гармонию смысла и звука.

А внутренний космос требует иного – головокружительной метафорики, прихотливого мира, необычности и новизны… И вот что интересно: если поэтическое направление, к которому принадлежит Александр Кердан, спокойно принимает все метаморфозы в стихах своих коллег по поэтическому ремеслу и признаёт их художественную состоятельность, то коллеги-то как раз в подавляющем большинстве к традиции (а поэтическое направление, в котором работает Кердан, для русской поэзии является традиционным и магистральным) относятся если не резко отрицательно (всё это было, да и поэзия ли вообще), то снисходительно. Впору было бы обидеться на собратьев по перу, но присмотритесь к ситуации: целое (традиция) легко вмещает в себя часть, даже отличную в чём-то от него, а вот часть не может принять в себя целое – и отрицает его, отказывая при этом себе в возможности обогащения и развития… Так что не только вокруг поэзии происходят споры и битвы, но и внутри неё самой поиск взаимопонимания по-прежнему остаётся первейшим вопросом.